

Жильяр Пьер

При дворе Николая II

ББК 63.3(2)5
Ж72

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Жильяр П.

Ж72 При дворе Николая II. Воспоминания на-
ставника цесаревича Алексея / Пер. с англ.
Л.А. Калашниковой. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2006. — 219 с.

ISBN 978-5-521-73293-7

Пьер Жильяр был наставником цесаревича Алексея, сына Николая II. Бесстрашный француз добровольно отправился с опальной царской семьей в Сибирь и старался чем мог скрасить пребывание в заточении царя, царицы и их детей. Жильяр передал потомкам драгоценные сведения о последних днях императорской семьи, оставил яркие психологические портреты Распутина, Вырубовой и многих других известных личностей этой трагической эпохи в жизни России.

ББК 63.3(2)5

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2006

ISBN 978-5-521-73293-7

ВСТУПЛЕНИЕ

В сентябре 1920 года, пробыв в Сибири три долгих года, я наконец смог вернуться в Европу. Я все еще мучительно переживал страшную драму, свидетелем которой стал. И одновременно не переставал восхищаться чистотой и искренней верой тех, кто стал жертвой трагедии.

Поскольку в течение многих месяцев был полностью оторван от внешнего мира, я не был знаком с последними публикациями о государе Николае II и его семье. Однако я очень скоро обнаружил, что в этих публикациях не было главного — точности, и, хотя их авторы ссылались на очень солидные источники, данные, которые они приводили, были часто ошибочны или, по крайней мере, неполны в том, что касалось императорской семьи. В большинстве же своем эти публикации представляли собой собрание нелепиц и лжи¹.

Мне было откровенно неприятно читать некоторые из них. Мое негодование не имело границ, когда я, к сво-

---

¹ Чтобы дать вам некоторое представление о том, что я имею в виду, приведу такой пример: в одной из этих книг (которая основана на свидетельских показаниях очевидца событий драмы, разыгравшейся в Екатеринбурге, что гарантирует ее достоверность) приводится описание моей собственной смерти! Все остальное — такого же рода вымысел. Все, кого интересуют подробности конца правления Николая II, должны всенепременно прочитать замечательные работы М. Палеолога, посла Франции в России. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

ему изумлению, понял, что вся эта ложь с удовольствием проглатывается читающей публикой.

Я считал своим долгом восстановить нравственный облик русских монархов, и эта обязанность требовала всей моей честности и справедливости. В своей книге я пытаюсь описать драму жизни, — драму, которую я сразу же почувствовал за внешним блеском русского двора и которую лично узнал, когда волею обстоятельств находился рядом с царской семьей. Екатеринбургская трагедия была не чем иным, как исполнением безжалостной судьбы, завершением одной из самых трогательных душу историй, которые когда-либо знал мир.

Очень мало людей знали об этой тайной печали, но с исторической точки зрения ее значимость трудно переоценить. Болезнь цесаревича отбросила тень на весь последний период правления царя Николая II, и это многое объясняет. Подспудно она явилась одной из главных причин его падения, потому что только она сделала возможным появление Распутина и привела к роковой изоляции царской семьи, которая жила в своем замкнутом мирке, полностью погрузившись в драму, которую надо было тщательно скрывать от посторонних глаз.

В этой книге я попытался вернуть Николая II и его семью к жизни. Моя цель — быть абсолютно беспристрастным и сохранить полную независимость суждений в описании событий, очевидцем которых я был. Возможно, в своем поиске правды я даю в руки их врагов лишние козыри, но я искренен. Надеюсь, что моя книга покажет их такими, какими они были, ведь в них меня привлекло не императорское величие и окружавший их блеск, но благородство ума и твердость духа, которую они продемонстрировали в этих трагических обстоятельствах.

Пьер Жильяр

Глава 1

МОИ ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРИ ДВОРЕ (осень 1905 г.)

Осенью 1904 года я принял предложение стать учителем французского при дворе принца Сергея Лейхтенбергского.

Отец моего ученика принц Георг Лейхтенбергский был внуком Евгения де Богарне; по матери, великой княгине Марии Николаевне, дочери Николая I, он был кузеном царя Николая II.

В то время вся семья жила в небольшом поместье на берегу Черного моря. Там они провели всю зиму. Именно там их застали трагические события 1905 года, и именно там они пережили много страшных часов во время восстания на Черноморском флоте, обстрела побережья, целой череды погромов и последовавших за ними актов насилия. С самого начала Россия повернулась ко мне своей ужасной, угрожающей стороной. Но это оказалось лишь прелюдией к тем ужасам и страданиям, которые были у нее для меня в запасе.

В начале июня семья поселилась на Сергиевской даче, в Петергофе. Этот особняк принадлежал принцу. Мы только что покинули пустынный берег Южного Крыма с его пыльными кипарисами и маленькими татарскими дерегушками, прилепившимися к склонам гор. Контраст

между этим унылым пейзажем и великолепными видами берегов Финского залива был разителен.

Петергоф в свое время был любимой резиденцией Петра Великого. Именно там он отдыхал от тяжелых трудов, коих у него было немало, — как раз в это время строился Санкт-Петербург, город, который по его велению, как по мановению волшебной палочки, поднялся на болотах у устья Невы. Этому городу предстояло стать достойным соперником величайших столиц Европы.

Все в Петергофе напоминает о его создателе. Во-первых, это Марли, где Петр время от времени жил, — маленький домик на кусочке суши, разделяющей два великих озера. Во-вторых, это Эрмитаж, где он любил устраивать приемы для своих ближайших сподвижников; на этих приемах вино всегда лилось рекой. В-третьих, это Монплеизир, здание в голландском стиле с террасой, выступающей над морем. Это была его любимая резиденция. И наконец, Большой дворец, который со всеми своими прудами и парками мог вполне соперничать с Версалем.

Все эти здания, за исключением Большого дворца, производят впечатление заброшенных, пустынных сооружений, которые вернуть к жизни могут только воспоминания о прошлом.

Царь Николай II унаследовал от предков любовь к этому великолепному месту и каждое лето привозил сюда свою семью; они жили в небольшом дворце в Александрии, который стоял в глубине парка, вдали от назойливых любопытных глаз.

Семья принца Лейхтенбергского все лето 1905 года провела в Петергофе. Между Александрией и Сергиевской дачей движение замирало только на ночь, ведь царица и принцесса Лейхтенбергская были близкими подру-

гами. Тогда я впервые имел возможность увидеть членов императорской семьи.

Когда истек срок моего контракта, мне было предложено остаться наставником моего подопечного и одновременно давать уроки великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, двум старшим дочерям царя Николая II. Я согласился и после непродолжительной поездки в Швейцарию в начале сентября вернулся в Петергоф.

В день первого урока с великими княжнами за мной заехала императорская карета, которая отвезла меня в Александрию, где жили царь и его семья. Несмотря на наличие одетого в ливрею кучера, императорский герб на дверцах кареты и на распоряжения относительно моего приезда (которые, без сомнения, были), оказалось, что попасть в резиденцию их величеств вовсе не легко. Меня остановили у парковых ворот и только после продолжительных выяснений личности и цели визита пропустили внутрь. Повернув за угол, я довольно скоро увидел два небольших кирпичных здания, соединенные крытым переходом. Если бы карета не остановилась, мне бы и в голову не пришло, что я уже добрался до пункта назначения.

Меня провели в небольшую комнату на втором этаже, убранную в сдержанном английском стиле. Дверь отворилась, и в комнату вошла царица, держа за руки дочерей, Ольгу и Татьяну. Любезно поприветствовав меня, она села за стол и предложила мне место напротив нее. Дети уселись по обоим концам стола.

В то время царица была еще очень красивой женщиной. Она была высока, стройна, а осанка ее поражала благородством и достоинством. Но все это отходило на второй план, стоило вам взглянуть ей в глаза — эти гово-

рящие серо-голубые глаза, в которых отражались все эмоции ее чувствительной души.

В то время Ольге, старшей из великих княжон, было десять лет. У нее были светлые волосы, блестящие шаловливые глаза и слегка вытянутый нос. Она изучающе смотрела на меня, словно пыталась найти брешь в моей броне. Во всем облике этого ребенка было столько чистоты и искренности, что не полюбить ее было невозможно.

Второй дочери, Татьяне, было восемь с половиной лет. У нее были золотистые волосы. Она была более хорошенькой, чем сестра, однако производила впечатление менее открытого, искреннего и порывистого ребенка.

Урок начался. Я был поражен, если не сказать — потрясен, простотой сцены, которую представлял себе совсем иначе. Царица внимательно слушала мои объяснения и замечания. У меня было такое ощущение, что я не давал урок, а сдавал экзамен. Разница между ожидаемым и реальностью выбила меня из колеи. К тому же я почему-то считал, что мои ученицы будут лучше владеть французским, чем это оказалось на самом деле. Я подобрал упражнения, которые оказались для них сложноваты. Подготовленный мной урок оказался бесполезен, и мне пришлось импровизировать на ходу. Наконец, к моему великому облегчению, раздался бой часов, и моим мучениям пришел конец.

В течение нескольких следующих недель царица присутствовала на всех моих уроках и проявляла к ним живой интерес. Очень часто, когда девочки уходили, мы разговаривали с ней о новейших методиках обучения иностранным языкам. Меня поражало, насколько разумны были ее доводы.

В моей памяти навсегда запечатлелся урок, который я дал дня за два или за три до подписания манифеста в ок-

тябре 1905 года, результатом которого стал созыв Думы. Царица сидела на низком стуле возле окна. Мне сразу показалось, что она чем-то озабочена. Несмотря на все усилия, ее лицо выдавало внутреннее волнение. Она старалась сосредоточиться на нашем занятии, но скоро снова погрузилась в невеселую задумчивость. Ее взгляд снова стал отрешенным.

Как правило, когда заканчивался урок, я закрывал книгу и ждал, когда царица поднимется и тем самым разрешит мне уйти. На этот же раз, несмотря на воцарившееся молчание, царица не пошевелилась и продолжала сидеть, погруженная в свои мысли. Минуты шли, дети начали ерзать и переговариваться. Я снова открыл книгу и начал читать. Только через четверть часа, когда одна из великих княжон подошла к матери, та вышла из оцепенения.

Через несколько месяцев царица поручила одной из своих фрейлин, княжне Оболенской, заменить ее на моих уроках. Тем самым она положила конец испытанию, которому так долго меня подвергала. Должен признаться, это было для меня большим облегчением. В присутствии княжны Оболенской я чувствовал себя гораздо свободнее, к тому же она охотно помогала мне. И все же эти первые месяцы запомнились мне живейшим интересом, который царица проявляла к образованию и воспитанию детей. Вместо холодной, высокомерной императрицы, о которой я так много слышал, я был удивлен, увидев женщину, со всей серьезностью относящуюся к своим материнским обязанностям.

Тогда же я научился по некоторым признакам понимать, что сдержанность, которую очень многие принимали за высокомерие и из-за которой она нажила себе столько врагов, была результатом природной робости, маской, открывающей ее чувствительную душу.

Я приведу только один пример, наглядно иллюстрирующий тот интерес, который проявляла царица к воспитанию своих детей, и важность, которую она придавала уважительному отношению детей к их учителям. Когда она присутствовала на моих уроках, входя в комнату, я всегда видел учебники и тетради, аккуратно сложенные и приготовленные для моих учениц, так что мне ни разу не приходилось ждать ни минуты. И позже все осталось точно так же. Со временем к моим первым ученицам Ольге и Татьяне присоединились Мария (в 1907 году) и Анастасия (в 1909 году), когда им исполнилось по девять лет.

Здоровье царицы, уже подорванное беспрестанной тревогой за жизнь цесаревича, мешало ей пристально, как раньше, следить за образованием дочерей. В то время я не понимал, что кроется за ее внешним безразличием, и был склонен осуждать ее за это, но скоро понял, как глубоко заблуждался.

В 1909 году я перестал быть наставником принца Сергея Лейхтенбергского. Это позволило мне проводить больше времени при дворе.

Глава 2

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. ПОЕЗДКИ В КРЫМ (осень 1911 г. — весна 1912 г.) И СПАЛУ (осень 1912 г.)

Царская семья обычно проводила зиму в Царском Селе, прелестном маленьком городке в 30 милях к югу от Петергофа. Он расположен на возвышенности, на самом верху которой стоит Большой дворец, любимая резиденция Екатерины II. Недалеко от него находится